

Личная идентичность: понятие, модели, история

Я: сознание, память, восприятие.

Личная идентичность (далее - ЛИ) в качестве модели понимания себя западноевропейским человеком Нового времени впервые вводится Локком в "Трактате о личной идентичности". Локк утверждает, что личность является тождественной себе, пока сознает себя таковой. ЛИ придает его автономность, а также наделяет его референциальным значением. Фактически Локк создает уравнение, в котором сознание, память, личность, мышление и восприятие выступают синонимами друг друга, через посредничество понятия идентичность (придающему всем пропозициям Локка квазитавтологический характер), формируя условия для философского и социального понимания существа его. Такова классическая модель ЛИ, которую в различных полемических вариациях можно также встретить у Юма, Беркли, Канта и др. Классическая модель ЛИ обосновывает понятие сознания (самосознания своего единства во времени) и утверждает его центральную роль в понимании человеком самого себя.

Другой: бессознательное, язык, случайность.

С открытием бессознательного и лингвистическим переворотом, ситуация меняется незначительно. Конечно, (само)сознание и *ego* сильно теряют в своих правах, а на их место приходят *Другое* и случайность. Но, парадоксальным образом, само понятие ЛИ от этого лишь выигрывает. У основания обновленного понимания ЛИ стоят Фрейд и Хайдеггер, сочетание которых в разных пропорциях, - никогда, впрочем, не достигающее подлинного теоретического синтеза, - будет характеризовать дискурс ЛИ на протяжении всего XX в.

(а) Бессознательное выступает как модель идеальной памяти, оно хранит все (метафора города у Фрейда: давно разрушенные здания симультанно соседствуют здесь с возведенными на их месте новыми). К тому же на фундаментальном уровне бессознательное не только не знает ничего о смерти, но и не подвержено уничтожению. Это память индивида, которая дана ему как *Другое*. **(б)** Язык, не будучи моим / чужим, есть случайность в границах моего жизненного мира, но также инструмент производства идентичности. Он наделяет мою идентичность устойчивой формой в горизонте конечности человеческого бытия. Будучи случайным и *другим*, язык позволяет интегрировать случайность как внешнего, так и бессознательного в идентичность, посредством рассказа и / или перформативного присвоения. ЛИ - это то, что можно открыть, следуя эдипальной тропой расследования и прозрения, или присвоить через перформативное декларирование. Наиболее последовательно эти взаимодополнительные альтернативы воплощены в трудах Р. Рорти и Дж. Батлер.

Никто (No-One): мозг, сеть, акцидент.

В свете открытий современной когнитивистики (в работах, Т. Метцингера, А. Дамасио, а также философа К. Малабу) понятие ЛИ ставится под сомнение. Место памяти или бессознательного, занимает мозг, в котором, во-первых, нет места для сознания, в том смысле, в котором его понимают философы, начиная с Локка; а во-вторых, для чего-либо, что не может быть уничтожено в результате травмы или простого акцидента. Травма в качестве акцидента - это случайность, которая не интегрируема в личность, ни посредством языка, ни иным образом. Способность говорить, привычка ходить или дышать, способность видеть сны, - ничто не застраховано от деструктивных последствий акцидента. Простая случайность может безвозвратно уничтожить личность индивида, его ЛИ и ее основания, поэтому язык бессилен интегрировать опыт травмы в личный опыт,

ведь последствием травмы может быть то, что самой личности более нет. Сам индивид может отдавать себе отчет в том, что никакого "я" в пределах его ментального опыта не существует. В случае травмы мозга перед нами проблема амнезии без анамнезиса. Идентичности тела или даже памяти без личности. Безвозвратное и бесследное стирание, ничто на месте "я". Никакое расследование, нарратив или перформатив не смогут восстановить ЛИ. Будучи "своими собственными нейронами" в игре случайности, личность оборачивается никем (ни самим собой, ни кем-либо другим). Она лишь недолговечный эффект на поверхности собственного мозга, иллюзия, сомнительная как по форме, так по содержанию. В свете когнитивистского разоблачения, как сознания, так и бессознательного, место ЛИ занимает либо терминально-сетевая модель, которая противится всякому единству во времени и пространстве, либо перманентно посттравматический субъект, постоянно находящийся в состоянии смерти и становления за пределами всякого тождества. Несмотря на кажущееся несходство, терминально-сетевая модель отличается от посттравматической скорее социально-географически, чем концептуально (жертвами посттравматического синдрома чаще становятся малоимущие и жители стран третьего мира, в то время, как растворение личности в многообразии нейро-социальных сетей преимущественно судьба обеспеченных обитателей первого мира), поскольку их основанием являются нейронные сети мозга, которые в любой момент могут превратиться в ничто, а пределе таковыми и являются.